

Прожигатель слов

Дыхание

Индифферентнее, безучастнее,
Как русло реки.
Золотые прутья впустят
Глоток неба,
Обезображенного
Зимним дождем.
Ожидание благословения ночи,
Горькой кофейной гущи,
Чтобы уйти за пределы видимости.
Вчувствование в пустоту дороги.

Изнеможение,
Растекшиеся
Самозабвением.
Фразировки метели над ухом.
Слезоточивое
Брожение
Глаз.
И не звука
До ночи, до встречи с фонарным стеблем,
Распустившим тюльпан лимонный
В глаза, в окно
Спальни, где остывают ее следы,
В которых музыка бредит исконно.
Но моей вселенной,
Если есть таковая,
Ей, все равно...
И все равно продолжает движение
Небосвод, лакая
Вино
Из сосудов случайной любви.

Дрожь возбужденья
От искры рожденного творчества,
Мгновенье свободы
В нотной партии
Под руководством маэстро
Небесного хора.

Разбирая старый хлам,
Обретаю себя.
С пожелтевших страниц
Осыпаются строки памяти.
Вечер стучится к нам,
Слышишь ли ты меня
Сквозь темный осадок пьяного
Месяца?
Лестница,
Ведущая в холод.
Боль,
Ведущая к просветлению.
Вдохновение,
Ведущее в никуда.
И звезда
Над нами
Молча льется ночной тишиной.
Одиночество скрасит путь

По волнам ненасытных огней
Городского безумья.
Привкус кофе и табака.
Рука
Дышит неровно.
Старые вещи –
Вещая
Пыль.
Обретаю нервные струны
Сна.
Слышишь ли ты меня?
Все возможно,
Когда
Любовь обжигает вены.
Наша маленькая вселенная
Бьется на ниточке истины.

Хочется смотреть стеклянным взглядом
На прозрачный воздух,
Набрав в легкие пар молчания.
Хочется, чтобы рядом
Проплывало облако,
И Господь, проливая дождь
В сухие ладони,
Показал мне последнюю пристань,
Пристань потерянных душ,
Что осенними листьями
Разбрелись по мокрым дорогам,
Влажным аллеям.
Это блюз,
Сыгранный на одном дыхании
Бессонной ночной стихии,
Это стихи,
Написанные из-под рубца
Беспричинной тоски,
Тоски по забытым пейзажам
Неба...
Верю или не верю?
Ответ будет завтра,
Когда прокричит рассвет
Близость весне.
А пока –
Стеклянным взглядом
В упор
На призрачный ветер в окне...
Точка.

Заклучи меня
В свои снежные
Объятия,
Окропи меня
Ледяной
Молочной влагой,
Мы сегодня поем о несбывшемся благе
И о будущих прегрешениях,
Мы сегодня плывем по воздушным холмам
И твое лицо укрывают ветви
Склонившихся хвой.
Помоги различить твое нежное лоно,
Его огненные языки,

Его трепетное придыхание.
Срывай беспокойно
Прозрачное платье
И неси чашу горькой любви
Мне к устам,
Что глотают вечерний напиток
Обнаженной лозы.

Плеск ручья

В медузе воздуха дымится снег.

Осенним пеплом надыхался взгляд и золотом растаял.

В белом конверте зимы хрустальные письма, ватные строки.

Руки твои целует мартовским пламенем ветер.

Голос сердца – плеск ручья, шум зеленый, пульс вечерний.

Цитрус солнца на томатном раздраженье горизонта.

Январь рассыпался фарфором, разбилась ночь стеклом.

Лотос

Вечер с привкусом миндаля и мяты.
Белый плед января, укрывший озябшую кожу.
Холод лучистого неба в серебряных перьях звезд.
Шуршанье халата,
Метель поцелуев вздохом,
Трава простыней, измятая
Ласкающим смогом, твердеющим чувством –
Укрыться в приливе тепла.
Во взгляде
Лотос рассыпал жемчуг,
Кедров тенистых шепот.
Волнами
У окна
Обнаженные фразы
В лунном шампанском
Искрятся.
Под пледом
Январского мха
Бежит ручеек весенней преступной воды.
Руки твои
Не знают покоя от ласки,
Режущей линии наготы.
Черных ресниц ракушки
Влагой насыщены, вспрыснуты
Бледного диска ликером.

Чистая, чистая
Музыка, танец метелицы
На лепестках радостных губ.
Радость связала ночь,
Радость, вобравшая пламя волос
И глаз твоих крик смоляной.

Свирель

Твой сон, как расплавленный солнечный мед.
Я буду смотреть на твое, отлитое невесомостью, тело,
До розовой дымки полей в стеклянном зрачке каменной кладки.
Легкость небесных вод
Качнет твоей рукой, снежной уляжется пеной
В ногах, в сосредоточенье
Судорог шелковых нитей рассветной рубахи.
А когда нежный мрак упадет с твоих век,
Глаза наполнятся жаждой цветущего дня,
И вспыхнет герань на окне
Ароматом садов, возведенных летним дождливым сияньем,
Я смахну с твоих плеч ночной пепел и свет
Наберу в ладони, как бриллиантовый иней,
Чтобы вложить тебе в сердце, где
Уже заиграла свирель оправданья
Грешных следов моих лет.

Иордан

Воды Иордана, воды Иордана
Напоили твои глаза,
Розовая пыль закатного облака
Покрыла твои виски,
Терновый венец солнца
Просочился кровью вечерней влаги.
Пальцы твои скрестились Полярной звездой.
Кубок Большой Медведицы
Вылит на голову ромом ночным.
Воды Иордана, воды Иордана
Пенятся твоей музыкой,
Листья заката плещутся
Осенью горизонта.
Солнце твое зимнее
Свечки клинком скользит по ветвям,
В холод мой бьется нежностью,
Колет крещенский лед.

вишни губ звенящей весной
розой пурпурной солнца
нашептали в вечернюю стражу
облачились в ночную медь
белоснежным огнем раскрылись

говори же со мной говори
чтоб услышал я пульс эфира
и реки серебряной эхо

и багрянец аллея осенних
и крылатую арфу дождя
и лугов позолоченных воздух

чтобы птицы слетались послушать
и на сердце гнездились лазурью
и в глазах отливались светом

говори же со мной беззвучно
плотью огненных прикосновений
колосящейся медом улыбкой
перламутровой жаждой лета

в слух прозрачный кричи зарею
наготово озер хрустальных
океана седого пеной
молоком облаков шерстяных
на груди засыпающих гор

чтоб оставил себе поцелуй я
твоих глаз на папирусе ночи
чтобы кровь моя была ключами
из земли что шаги твои помнит
что засеяна нежностью лилий
что согрета твоим желаньем

сгоревшая осень в лиловые сумерки бредит
хлопчатым огнем метели листаю страницы
домов перекрестков кафе остановок звонков
хочу отдышаться но сердцу приказано биться
ночным нефтяным пятном среди маяков
столбов перетяжек витрин замерзших цветов
хочу переждать но взгляда прорубь искрится
осколками бронзы ночной облаков вереницей
из едкого газа жизни миллисекундной ограбленной
безостановочной жадной до жидкого цвета
где мне найти ладана
где мне найти фимиама и ветра
где мне остановиться
чтобы сделать глоток времени
сваренного горным покоем и тенью
янтарной пшеницы
справлюсь у смерти
она ли не жизнь в упавшем в теплую землю зерне
справлюсь у жизни
она ли не сбор в страну неизбежного сна
а в окне
тишина
безукоризненной
магией бледно-кофейных деревьев
пряжей лесной укутавшей взгляд
шею плечи ладони колени
и олово звезд
просочившееся ожогом
хочешь я назову их ради тебя
мне дал право на это язык мой твой слух
птицы ночные свившие бархатным пледом

легкую тень
крепкого чая небес дурманный настой
стая огней вдоль дороги
останусь сегодня с тобой
пока сгоревшая осень в нефритовых сумерках бредит
пока еще теплится воздух
надеждой упрямой и злой
мне право на это дала глубина горизонта взгляда
золото твоих волос
губ обнаженных море
солнце кожи согретой постелью снежной
сиренью дышащей и хвоей
здесь фимиам и ветра раскуренный мех
дымка пшеничного поля
ладан и гор безмятежная
мгла
здесь окно на двоих из которого льется голубкой
свет остановки опавшей листвою ночлег
безвозвратная свежесть
жемчуг со дна
сердца

Плодородие

августа плоть золотая стелется в твоих глазах
снежное пламя волос ловит полночный бриз
с губ осыпается влагой стройных кувшинок цвет
сосен тенистых вязь плечи твои укрывает
жужным сапфиром неба льется груди нагота

есть ли мне время и место там где царит весна
там где фиалка заката дышит твоими шагами
в этих полях с хлебами что твоих рук касались
есть ли мне сон хрустальный есть ли крыла созвучье
кто мне даст обещанье

когда в ладони рассвет выльется пылью свинцовой
когда взойдет горизонт посеребренным туманом

видеть мне ласточки смехом хмелем узорным лазури
там где молчание свято в свете берез и кленов
в шлейфе озерной прохлады в розовой плоти лета
твоей души прогулку огненным ожерельем
песен моих и флейту звонко-зеркального ливня
что про нас августу шепчет

будет все так не иначе
будет все как предвещает лунной тропинки росчерк
на чешуе океана
где утонула жажда где обратились слезы
звездным зерном и маком
шелкового песка

Атомы

В фокстроте февральского ветра,
в розовом кварце вечернего неба

глаза ловят лекалом дороги
молоко бесконечных полей.
И прижавшись кораллом щеки
к запотевшим машинным стеклам
ты напишешь строкой узорной
на рубиновой мантии сердца
прелюдию вечной весны.

Мне присниться начищенный светом
горный хрусталь,
мне в ладони солнечный улей
выплеснет пряное золото,
мне воздушная ласка сирени
забьется под грудь.
Вся печаль –
это только незнание
дыхания красок.

Пастбищ морских аквамарин,
пудра ячменная ветхой пустыни –
брат и сестра души, мать и отец одиночества...

Тет-а-тет

1 (вечерний чай)

Свечи зажег закат, воскурил фиолетовый сумрак, выпал влагой травы.
Слово застыло розой, взгляд пропитался лавандой, мятным туманом распался.
Слышишь, границ больше нет, воздуха стены разбились
О лунно-медный рожок,
Вскрыли железным безмолвием мир
Под бронзовым небом разлитый объемом
Бесконечно больших величин.
И порох хлебов взорвался молитвой,
И кровь заискрилась
Алмазным ручьем в бутоне вечерней свечи,
И колокол звезд разнесся серебряным звоном
По черно-белым оврагам и снам кочевым.
Течение аллей сиянием мрака раздето.
Слышишь, слышишь, границ больше нет, нет больше причин,
Нет больше причин умирать и рождаться для смерти.

2 (кофеин)

Ацтекской маской из обсидиана пронзило полнолуние собор,
Где тьма намолена, где тишина красноречивей страхом древним,
Чем песен пыль и риториков огонь.
Спустишь на берег звездного песка, пульсирующей снегом млечной вены,
На берег волчьих глаз и жадных рук воров, на берег
Нежных пальм, кустарников и мхов
В оправе чернобрового восхода,
Там, где надежда правит до рассветных схваток,
Где вера –
Лязг простывших ветров, там, где белесым стоном
Зимних вьюг плоть горяча, топаз любви слепит и оникс наготы
Бросает тень желанья.

Свидание с прекрасным одиночеством
Парит в воздушных реках, лаской – сталь, разведены мосты,
Живы пророчества,
Землистый свет заточен
По углам.
Там, где впускают сквозь кофейный дым
На погребальном солнечном костре благословенье ночи
Души –
Родись душой звезды.

3 (молоко зари)

Вздутые жилы на шее рассвета прокричали в бессонницу.
Набухла роса облаков, кокаиновой дымкой туман задрожал.
Рыбьим хвостом хлестнут сквозняки, и распорется
Черная толстая ткань с бахромой из пшеничных звезд,
Обнажая бедра утренних скал
И груди холмов, поймавшие ветер восточный.
Птицы забьются в болото небес, под откос
Полетит желтушная кома луны, цветеньем молочным
Завуалировав кожи холодной морщины.
В губах горизонта сливовым теплом – поцелуй. Обесточенной
Ночи мясо алеет на шпильях сосновых.
Тяжесть солнечных век у престола
Постели. Синтез эфирного тела
С костью продрогшей – все это рождение зари.

Цветением февраля. Impressions

Киноварным вином смягчим холод, наконечником взгляда стегнем по шоссе,
что, как ящерица в белой пустыне пьяных от снега лесных изваяний.
Выберем направление – прокуренная туманность равнины, дождь изо льда
и зимнего спящего солнца, ультрамарин воздушной росы над головой, сияние
первых лучей рубиновых глаз молодой попутчицы – искры рассветной со дна
ночных монологов призрачных подворотен. Направление – данность;
ориентиры – костры у обочин из потерявшихся слов забытых преданий
надежды; курс – боль вдохновенья, собеседование с внутренней тишиной.
Обретем от утраты, сыграем органную партию в храме молчания,
скривим прямоходящую истину вешней дерзкой водой,
замешанной в грязи и поте полдня. Пока хмель ютиться под кожей
теплым комочком глины, пока серебро пейзажных набросков выводит стихи
на обрывках старой газеты, можно все, безостановочно, бесповоротно, и в тоже
время – скоротечно, мгновенно – но последнее затмевает наркотический вихрь
метели, где она – это я, а я – проекция ее танца, непокорная, наводненная блажью
эстета, и мы вместе прядем февральскую пряжу
способности видеть и чувствовать жизнь раненым сердцем художника.
Растопив густые снега до виноградного сока, соскрежем седой иней
до плоти розоволицей малины, прольемся влагой летней души
на обморожение света. Я держусь за билет в один конец цветением
февраля – осколки, фрагменты, кадры, эскизы и линии –
знахарство снежного облака, обрамленное в тайну зеркал.
Я наблюдаю, как ветер хрустальный крошит
в тряпично-бумажный саван полей боль вдохновенья
воздушной криницей, я чувствую
улыбку волчьих следов, леса щенячий оскал...

Слушая Рахманинова, читая Бергмана. Improvisation

Когда-то у меня были крылья, да, я точно помню, как опираясь на воздух, раскуренный сахарной черемухой, неся беглой искрящейся музыкой сквозь рябиновую кровь солнца и набухающие гроздья садов – словно ожившие пассажи Рахманинова, словно магия тонов с картин Тёрнера – они были вырезаны ветром пунцовых роз и приставлены невесомой прозрачной ношей за моей спиной, а потом, спрятаны от меня, пока я не научусь страдать и любить, как в последний раз, пока любовь – не станет единственной проводницей на мраморный берег, спасающий от преисподней желчной греховной тоски, где страдание – философский камень, обращающий прах меланхолии в алмазное пламя познания и созерцания.

Много воды утекло с тех пор...

Когда-то у меня были глаза, впитывающие, словно губка, каждый миллиметр бытия перламутром морской раковины – глубоководные жемчужины, июльские грозы, беснующиеся на плодоносных плантациях лета, да, я помню их чистую жажду цвета слоновой кости, идущую от Марианской впадины сердца – их застала черная гарь ночных джунглей, и мне было дано ослепнуть, чтобы снова прозреть от огня изнутри, от пенящегося юным вином огня изнутри, от грозовой тучи моей темноты и вязкого мрака.

Много воды утекло в никуда...

Когда-то у меня был сон, впрочем, мой сон, возможно, – эта та же реальность, а реальность, возможно, – проявленный сон, этот сон длится вечность, и я не знаю, проснулся я или сплю, но какое имеет значение, если ехидина реки продолжает движение, волны скребут песок, берег плавится от наших ног и жерло луны шлифует гранит воды, но я уверен, как никогда не был уверен, когда-нибудь смог вороной вопросов сотрется янтарной зарей в память о воздухе стылом в свежести ландышей, в память о слипшихся светом глазах, что плачут от счастья рожденья, и тогда, я точно проснусь и скажу себе – здравствуй, а помнишь, когда-то и ты, босоногий младенец, изумрудный росток небес, носил лилейные крылья...

Поймавший за хвост время. Connection

Пока вы читаете эти строки, вы теряете еще одно бесценное мгновение жизни. Пока вы читали эти строки, вы еще на несколько секунд приблизили к себе смерть. Пока я пил свой чай и писал на кухне то, что вы сейчас читаете, я нашел в себе силы порвать бумагу, и kloкочущим от абсурда водоворотом души поцеловать леденящее жерло зари, вобрав в себя восточный огонь, сорвавший лист ночи, и мне стало легче от осознания собственной скоротечности и принадлежности (пусть недолгой) к этому кумачовому светляку в окне, к этой вестнице цвета и увядания бытия. Растерзанные раны родников напоили меня лесной влагой, птицы играли силуэтами пенистых облаков, кубовая стружка неба растворяла мои глаза, на золотисто-пушистой поляне мне расстилала цветочную простынь душистая свежесть, и я снова возвращал то утраченное бесценное мгновение жизни, и я снова отдалялся от тусклого прорицания могильников. Мне нужны слух, зрение, вкус, осязание и обоняние, как у вишни в зимнем жемчужном саду, как у клена в осенней лучистой лагуне, как у камыша, осоки, подорожника, морского песка, звенящей листвы, сладкой травы, сластолюбивого ручья, зеркальной волны, первого снега – я говорил так и плакал в сердце, говорил и плакал, говорил, чтобы Кто-то услышал меня, потому что я хочу чувствовать не потерю отпущенной мне временной подачи, а целостность происходящего, неделимость обступающего пространства в опьянении от поцелуя шелково-огненной маски зари.

Соло

Дух травы питает мои шаги, шум воды несется ко мне молвой,

Свет берез ласкает мои глаза, моя песнь – рассада тенистых рощ.
Ты смотри, как ласточки вьют весну, ты танцуй, как небо роняет дождь,
Ты учишься между строк собирать пыльцу, росы звезд плести, сеять в тьме карман.
Акварель лесов – изумруд слезы, акварель полей – соки янтаря,
Ты смотри в глаза, там дорога-степь, там ночной цветок – тишина души.
Ты учишься у тех, кто не знал себя, кто не ведал дом, кто забыл слова...

Предсновидение

Все спит. Фортепьянный концерт замерзшей природы
Облекается нотками чуткого сна.
Гаснет день. Я теряюсь под облачным сводом
Фантазий лесных. Нерушимость печали в глазах февраля.
Меркнет слово в обрывках снежного танго.
Тушь коричневых веток шоссе хлебает фонарную трель.
Я ищу твоё тихое, мирное, складное
Извещение о безнадежности в поисках расставания. Открытая дверь
Взрывается хриплой ночью – ведовство, чародейская пляска.
Вариации вьюги, затухающих окон финал.
Я нашел твои руки, на них, невысохшей краской,
Цветущие листья сакуры, ручьи, чаепитие марта, скандал
Зеленого ветра. Я засыпаю, я вижу морскую грозу,
Прибывшийся к берегу вал березовой пены,
Босую дорожку, солнца густую лозу,
И воздух, питающий тело
Твоим присутствием.
Напутствием –
Значит, завтра есть ещё шанс
Проснуться от сладкой боли в груди,
Значит, завтра оправдано, необходимо, резонно.
В теплых тонах твоих глаз
Бледные струйки люстры –
Так было всегда, исконно...

Имэйджин

Я вижу сны наяву, я не верю в скуку и пустоту шагов.
Где-то здесь, за ширмой сценария, должен быть белый кролик Алисы,
Только бы схватить приметку, шепчущих гор гранит, сердце поющих снегов.
Как неистовый викинг ищет священную смерть в бою,
Как монгол разрезает косыми глазами пыльную степь,
Я держусь за лоснящийся пульс реки и теченьем бросаюсь вниз,
С крутояра, с карниза, туда, где поют
Снега, туда, где шепчет горный гранит и теряется след
Белого кролика девочки Кэрролла, где кристаллы замерших ветвей –
Путеводитель февральского лунного взгляда. Тысячи, тысячи лет
Бродить жениху, прежде чем он обвенчается с лазуритом
Волны шелковистой, с колосом злачным, с природой своей,
Прежде чем грань фрактала, станет единым целым,
Прежде чем примет в узоре, отлитым золотом, он завершенье.
Это золото из рудников страданий, болезней, сомнений,
Потерь, скитаний и горьких открытий,
Ртуть, превращенная в желтый металл. Метелями
Сны наяву, бездыханная плоть ипохондрии, безраздельность стопы,
Взметающей землю с дорог преисподней.
Гвоздикой зажглось мое сердце в лучах перламутра живого,
Где-то здесь должен быть белый кролик, нарывы шепчущих гор, снега бериллы-цветы
И рек журчащее олово, где-то по правую сторону

От всплеска воды в кране, от лихорадки плиты,
От скрипа дверей в прихожей, от запаха свежей газеты..
От тех, кого рядом нет...

Подснежники

Он прижимался к ее снежной щеке
и чувствовал,
как плавится жизнью в груди июльская роза,
как воскресает подснежником через эфир занавесок
остывшая плоть луны,
как тонкие струйки ночного трепета
блуждом стекают с волос и, вскользь,
обдает черные ясли зрачков духом
сиренево-пепельных рощ.
Беспросветные гнезда любви –
магия огненного цветка,
спелая рожь взорвавшихся звезд –
там бродила моя красота,
моя черноглазая тень...

Млечное

Белый стон небытия, пот февральской колесницы,
Снег искрится, снег дымится в обмороженных руках.
Весть из глухоты души, серебристая лисица
Непротоптанной дороги, дрожь лазури на губах.
Сонный почерк, сонный хмель, свет, застрявший в минерале
Лун туманных, липких глаз недоношенного солнца.
Ватный шлейф седых аллей, соленые шпильки сада,
Целлофановое небо, ветра ледяной каркас.
Здесь искать смиренье старцев, здесь плодить пустыню сердца,
В одиночестве табачном пить вино остывших рек.
Здесь молчание и святость, здесь водой и хлебом пресным
Заедать попутный холод и смотреть короткий метр
Режиссера-февраля, прижигающего боль,
Боль бесцветной дикой розы под стеклом у мертвой свечки.
Стон скрипичный белым кружит, в мозг спинной вонзает вечер,
Прорубь фонаря простудой ленно падает на стол.
Здесь нескладное наречье ляжет в бархат, бархат млечный,
В жемчуга большую сыпь,
В танец бледного рассвета,
В малокровие заката,
В мысли призрачный помол –
Умереть сегодня ночью, чтобы завтра снова жить,
Чтобы завтра снова выжить
Вакханалией весны, в ручейках нагого цвета,
Василькового разврата,
С той, которую нашел
У костров февральской стужи.

Перламутр

Отдаться печали снега, алмазному хрусту, осколкам северных окон,
Собрать на ресницах капельки льда, изморозь света и пепла.

Пшеничные волосы зимних созвездий кольшутся в озере ночи.
Земля пропитана кварцем арктической крови, сладостью инея.

Импровизировать, как облака на коже атласной морозного полдня.
Петь, как апрельский сквозняк натянутой веной дождя.

Солнце вечерней фиалкой скатилось за титры домов.
Город смывает волною прохладного бриза, мы открываем глаза.

Прямто ветром вафельное поле охрипших снов твоих,
Февраль...

Андалузия

Когда пели цикады,
и месяц струился сквозь ветви олив серебристым вином,
когда искры души листопадом
усеяли ткань остывшего поля,
я застал свое одиночество.
Когда виноградники наполнились потом солнца,
и тучный шепот холмов оседал малахитом,
я принял обет созерцания.
Когда запад, налитый спелым гранатом,
обжигал взгляд долины и плавил ладони рек,
я взял на руки южный ветер
и отнес к себе в спальню,
под кровлю из тростника и соломы.
На ужин – миндаль, молоко и хлеб,
в ночь – колыбельная глаз цыганских.

Обморожение. 0,166(6) до марта

Холод – зверь, облизавший фаланги пальцев огнем.
Пунцовая кожица – бахрома, мясо и жилы окрасившая.
Симптомы обморожения режут февралем.
Плоть теплоты – солнце – костлявым фаршем.
На инее стертых страниц неровные литеры ереси,
Что когда-то здесь полыхали сады из яблонь кровавых,
Из глянцевого вишен, груш и пьяной
Черемухи, золото сот, земляники эссенция,
Ныне, лишь лед, прорастающий в початок сердца.
Густой пар из сжавшихся под слойкой мехов легких
Чертит в воздухе символы северной веры.
Снежный пепел, сгорая хлопьями,
Падает головокружением в минусовой запой,
Похмеляет росистой дрожью.
Сирень утреннего неба сливает остывший чай.
Впереди ожидание, сзади болезненный свист, над головой –
Свеча-печаль...
Холод – зверь; март – твой охотник;
Март – воспитатель тепла под раскаленной холодом кожей.
Приметы обморожения режутся февралем.
Соль теплоты – солнце – кольшется вошью.

Самопоглощение – Долгострой – Расщепление

Приглушенно стелется вечерний свет. Седина домов в оконных мотыльках
Растекается закатом. Шелуха проулков и дворов цветет пустыней.
На клочке бумаги оживает бриз, дрожь в морских устах,
Глубины темнеющая зелень. Я леплю из воздуха – из глины
Ветров снежных – узелки на память. Тишина находит свою нишу
У моих дверей, в моей прихожей, в складках мысли,
В жилах батарей, где сок апрельский дышит,
Задирая старческую маску поздних зимних чисел.
И мгновение, вместившее меня и все наигранное местом окруженье,
Данностью, как призрак, как абстракция, туман.
Драконий след оранжевого солнца, извержение
Мрака на росе сетчатки, все, как пар,
Проникнувшийся даром любить палящий холод.
И легкое покачиванье сосен, и мертвое броженье тополей,
И голая земля, и звезд стеклянных прорубь –
Все, только повод обрести себя скорей –
Все, только повод потерять себя скорей.

Сон прошлогодней листвы, музыка ржавых качелей,
уголек сигареты и лук на окне, привкус тепла под шахматным пледом,
нежный дымок незначительных фраз.

У каждого дома своя душа, свой вечерний
уют свечи, свой любовный роман.

Воздуха лед в февральском небе
(кофейно-молочный придаток крыш)
молчит всегда об одном и том же.

Плеск синей матрицы, вздохи соседских дверей,
запах мороженых яблок в вазе, орнаментальная кожа
ковров – у каждого дома свои секреты,
свои бродячие песни, свое выражение лица.

Мы строим наш дом на сваях
взаимных обетов
дарить друг другу часы
без циферблата и стрелок –
безвременье, пространство без дна, молитва без слов.

И ты веришь в ночлег под луной
абажура, где призраки – наши сердца –
одиноким сидят на качелях весны,
написанной мелом февральских обоев,
а значит, месяц длинных ночей
уже горит за углом.

Испепеленный снежной мишурой, лоскутным покрывалом гололеда,
Изъеденный нагим приливом хрустала с ветвей зимы,
Я забиваюсь в сети тишины дороги, немых созвездий сбродом
Влачусь по горечи ночной. Прощание пугающе прекрасно. В плену луны –
Движение взгляда; в смоле сугробов – шелест рук.
Наедине с собой теряются слова, погрязшие в абсурде,
Табачный дым струится комом в горле, стук

Сквозняков подвальных из белил-загулов
Мерзлоты. Заря голодную тигрицей
Оскалится с восточного престола. Пора. Напутствия песок,
Гранит печали..
Мне будет холодно, мне холод будет литься
В раскрытые ладони, в плывущий горизонт
Конца – как освещенного начала.

Весенница

Мятная слабость удушья в кремовом блеске разводов марта.
Пепельный стон расстроенной партии крыш ледяных.
Стучите, и вам откроются ставни цветных кустарников, листьев молочных, раскаты
душистого воздуха, розовощекие ветры, песни пастушьи вешней звезды, миг
изумрудной комы, просите, и вам воздастся сиреневым плеском,
янтарной смолой полдня, легкостью тени вечерней, проспектами
лунных дорожек сквозь красное пламя влюбленных сердец.
Так было и будет, пока есть надежда на что-то еще, кроме света
снегов на заплывших глазах метели-пустынницы.
Веди свой узор, багрянец рассветной ласточки, по коже дубов и лип,
по минеральным колосьям ручьев, по земляничной пленнице
леса – тропинке ветвистой, веди, как велит
тебе периодика вечного крика восстанья на сливках юной травы,
на стебле теплого неба, на позвонках холмов, уставших от черствого сна.
Когда флейты и колокольчики расплетутся в кронах кипящих, в ноги зимы
бросятся частоколом медовых плеток и погонят улей седой, туда,
откуда на привязи север рычит полярной тоской,
ты запишешь в блокнот полей – люби меня, муж мой, март мой,
чтобы я вывел ответ капелью ромашек в твой
доверчивый слух, чтоб я вывел ответ первой прогулкой дождя по сколу мансарды.

Дефиниции поэзии

Поэзия – это струйки ночного костра в шелках музыкального леса;
это застывшее пламя крови на дамасском клинке вечернего неба;
это душа молодого любовника, заключенная в плеске
пульсара;
это смерть слова, получившего новую степень свободы в пространстве и времени
чьей-то опытной линии.
Поэзия – это все, что хочешь, если есть глубокая рана
на плоти весенней жажды,
если есть капля инея на янтаре прожженной пустыни,
которую чувствуют кончиком языка,
те, кто родился дважды –
первый раз, чтобы быть дымом,
второй, чтобы стать огнем..

Центр масс

Бледно-снежный придорожный блюз в растворе окаменевших обочин.
Небо, вздыхающее сырым агатом ноздрей африканского буйвола.
Плещ проводов, гематомы фар – солянка вечернего почерка
Городского движения. Шум, ручьями обветренных губ,
Шум, проникающий в самое сердце желанья немного пространства.
Пластик оконных зрачков слезоточит одомашненным солнцем.
Пружина людского потока разжата. Голодной пастью
реклама съедает тонкую грань вниманья. Ветер бесхозный

лижет подщечной лица, ждущие теплого взгляда, знакомой улыбки.
Электричество неразрешенных вопросов искрами бьется о воздух.
Последний раз, опять повторится. Вложенный смысл обретет зыбкий
нимб, освещающий улицы внутренним светом. Лунные косы
лягут на грузные плечи кровельного плоскогорья.
Это, только преамбула, развязка – в листопаде ночной сирени,
когда на согретой постели ты найдешь мою боль,
судорогой сердечной мышцы, мою любовь, на смиренных
осколках ладоней –
ради этого – и серо-молочный блюз, разбавленный
алкоголем бегущих дорог, бегущих, будто импалы от львов лимонных саванн;
неразрешенных вопросов тлен, оставленный
на замершей обочине; ради этого – рождения нового дня.

Сквозь твои туманы пробираться золотом полей.

Яшмовый берег

Журчание лилий
и шум тростника
ветер принес
в твою гавань.
Алой грудью рассвета
вскормила
яшмовый берег
волна.
Золотом
листьев осенних
струится
с плеч
нагота.
Лавром и жемчугом
переплетая
волосы,
к зеркалу ты подходишь,
и видишь в нем
пламя восхода.
Яшмовый берег
встречает тебя
запахом
роз.

Открытый космос

В медно-бирюзовой скинии ночной шепчут камыши –
Царствие Небесное внутри нас.
В колыбели дон, в придыханье солнца веют миражи –
кроткие блаженны.
Загляни, Господь, в чернь моих зрачков, в мрак моих ладоней –
там узор терновый,
там заката плач.
Мне ль созвездий месса, мне ль молитва поля?
Мне, пока есть боль,
мне, пока есть нежность,
мне, пока незряч.

Единичное

Когда-то я морем дышал...

Тропинку хвойного леса ведет надежда...

Лунный свет многогранен...

Деревья молчат откровенней...

Под легкокрылое солнце мая...

Сны молодой травы о рассвете...

Питаюсь росой ее глаз...

Мне написали созвездья зимы...

Роза

Я видел розовый ветер вечерний на небе и золото скал.

И роса изливала семя в иней ладоней.

Пока не пришел час прощаться,

и трава не прогнулась под тяжестью сна,

я ждал тебя у костра, у причала заката.

Иней марта. Впечатления

Распускает косы март,

Косы из воды и снега,

Грязью бредит.

Невпопад

Взгляд

Блуждает,

Взгляд болеет

Осложнением зимы,

Тонет в окнах,

Ищет света,

Там – лишь оттиск занавесок,

Там – лишь панцирь тишины

Рвет на мясо дикий окрик

Изумрудного крыла.

Март промерзлый, свежий, мокрый,

Плеть деревьев, да луна,

Что ласкает мертвой хваткой,

Мертвым слогом, мертвым сном.

Ветра всплески, луж заплатки,

Ландыш солнца за углом.

Хокку

ночь прекрасна

в зрачках отпечатались шрамы

пунцовой луны

в плеске ручья
отразится эхом
голос любимой

вспыхнет агатом
ночная тропа
ее глаз

звезд ожерелье
взойдет над ее
головой

ночь прекрасна
в память запала
мягкость постели лесной

Лазурь

Плащ из тумана на плечи.
Утро обдаст сладкой росой и свежестью пряной.
Снова рожденные, снова нашедшие день
Пропойте гимны лукавой заре,
Полотнам из маков и диких плящей,
Вечному шуму зеленой волны,
Тлению уст, целующих южный песок.
Сталью дамасской рубите плоды солнечных роз.
В тень кипарисов, под своды маслин, кедров и яблонь
Несите возлюбленный ветер.
Свет огненных глаз под ресницами из лазури
Дышит в затылок, плач небесного хрустала
Смывает черную моль с ковров луговых.
В пепле зачатые вяжут нить серебра,
Одетые в прах рубином сердца блистают.
Завтра наступит поздно.
Кто знает свой новый рассвет?

Экспромт

Обозленное, но любящее сердце.
Кромсай его, вот оно, как на ладони, нежное, ласковое,
но если считаешь, что беззащитное, то глубоко заблуждаешься.
О, любители жевать чужие жизни!
О, надменные ценители высокой праведности!
Ваши рты никогда не закроются,
ваши уши никогда не перестанут искать
своими чуткими раковинами зла для еще большего зла.
Обозленное, но любящее сердце.
Тебя хранит твоя любовь, тебя утешает тонкое пение
нимф, обрученных с горными реками и лесными озерами,
тебя услаждает тернистая прорубь ночи.
Слушай голос, что бьется в тебе ключом искренности,
и, может быть, холодная корка твоего платья согреет
еще одно движение чьей-то потерянной, забытой души.

Головокружение

Головокружение городского потока в руинах мозговых клеток.
Отчаянное стремление проснуться, открыть слипшиеся весенней грязью глаза.
Тление неразборчивой памяти на остывших углях, искра утреннего света,
пропахшая белоголовым туманом и сыростью дорожных спазмов. Лоза

телефонных веток, дрожащая пресными разговорами. Теплый шелк
рук женщины, оставленной дома с плачущим ребенком. Опавшие листья
надежд – пространство для нового. Похмеляющиеся шарканье ног.
Радость дворняги, прикормленной вчерашним застольем и мысль о безмыслии.

Тонущее, вязнущее в пенистой влаге небо давит степным порохом, морской
ультрамариновой обнаженностью и головокружение становится привычкой.
Играет Бетховен, Бах, Моцарт, играет шипение улиц. Легкий голод с тоской –
развлечение мудрой природы. Симметрия счастья и боли жизни. Все как обычно.

Все исполнено бреда мартовских красок, родникового обновления воздуха.
Деревья ждут щупалец алого солнца, чтоб оправдать склейки поэта, кто-то
ждет благовонья сезонного искусства, кто-то ждет ответов, кто-то ждет вопросов,
кто-то уже ничего не ждет... Головокружение, так плачет дитя, так плачет свобода.

Всесильный холод, нескончаемость дороги

Всесильный холод, нескончаемость дороги открылись в новом свете янтаря,
Там одиночества глубокие ущелья сверкали бриллиантовой дугой.
Апрель вспорхнул с ладоней растворенных, как мотылек души и чернь угля
В глазах моих налилась апельсином, густым гранатом, сочной лозой.
И жизнь, и смерть, и все, что им созвучно, все обрело подобие огня,
Его зажгла природой пылевидной сквозная рана – холода ожог.
Резина горизонта, ночи глубь, молчанье громкое пустыни, чернь угля –
Слились в один, в один большой глоток
Тумана вешего, тумана вдохновенья.

Dialogue

у него – вечная усталость в глазах
у нее – лыящая солнце улыбка
у него – вечная судорога жил
у нее – плавность снежного барса
у него – замерзшая сталь языка
у нее – бархатное молоко
у него – ее сердце
у нее – его нежность

Письмо. Белый дождь

Вуаль табачного вечера на выражении окон. Март плодоносит снежно-дождливым смехом.
Муза уснет в грязном сугробе, и Дионис разбазарит хмель по радуге глаз.
Звезд порошок проглотит туманная залежь, черная маска небес, сонный потерянный пласт
призрачных улиц. Мироточащий ласкою воздух, морщины ореховой

скорлупы на лунном фантоме, все обернется твоим отсутствием, нашей разлукой.
Нам есть, что сказать, пусть мы и молчим, нам есть, что беречь, пусть мы и полны растраты.
Спи, пока время решает за нас, спи, пока медом холодным мажет оклад свой
ночная икона, храм безмятежного дыма снов, губ мертвая сухость.

Завтра я снова приду к тебе, с тем, чтобы коснуться причала одной минуты,
решившей мои слова и дела на миллионы лет, на миллионы зим,

занесенные твоей вишневой вьюгой, сердцем твоим.
Хлопок ночной на подушке, ветер, прошитый на ткани постели, ветер укутал

штиль моих нот, плавность движений кисти. Меня печаль полюбила –
чистый источник снега и звезд, ладан ранней весны.

Меня полюбили твои руки – ласточки солнца, крики грозы
глубоководного лета, что ожидает в прихожей. Я скинул

вуаль табачного вечера – там была ночь...

Словообразование

Чтобы я мог сказать, если б предел языка растаял мглой осенней,
если б слова всецело вобрали горящий бульон души,
не расплескав ни грамма, ни капли, ни звука, снятого с ветки цветущей чувства?
В бордовой вечерней корзине перезревшее солнце, темно-синие вздутые вены
неба, слизь травяная и мой голос – чем бы он жил,
свободный, ветреный, полный кровавой пыли рябины, густо

окрашенный в тяжесть лесной смолы? Мой голос, под снежной крошкой,
под ледниками дорог, под таяньем звезд, в тени любовника-марта –
что бы он мог открыть, раскрепощенный, дерзкий, льющийся пеной
мутных потоков Ганга? Глубину безмолвия совершенной ночи,
глубину неведения, как наилучшего знания, глубину охвата
ее любви, как проявления моего слова, окаменевшего в тени
любовника-марта...

Хайвэй

Свет воскресает из-под завала ночи, свет, распускающийся опалом
в разводах стеклянных иллюминаторов плывущего города. Асфальт искрится
дыханием талого снега, сгорбленной грудой февральского серого праха. Алое
утро вздымается железобетонным комом, бледная лунная пристань

смазана снежно-индиговым ветром голого неба. Аспиды ветвей,
прожженные холодом, нарезают паучью симфонию – тень многорукого Шивы.
Желудь солнца вспухает юным весенним огнем, пар золотой съедает глаза, брызги ключей
углекислого газа падают ароматом движенья, тянутся струны, жилы

нервно-стальных коммуникаций. Свежая типографская краска
смачивает пересохшее снами горло, снами, где каждый боится своих желаний,
снами, что остаются на клумбе могильных звезд отрешенным небытием. Балласт
души засыпан известью первостепенной потребности жить, рваным

стремлением быть сопричастным, быть своим на картонной витрине.

Увертюра

Промочи мои веки соком сосновым, рассвет,
срез осеннего клена в ладони багрянцем вложи,
нежность Исиды вдохни серебристой росой.

В плеске лазури снежный качается свет,
в дыме берез просыпается жизни
ветер,

взбитую муть облаков роняя на плечи
холмов.

Увертюра №2

Матовым тлением фонарей на морщинистой плоти обочин
рассеяна память погасшего дня. Солнце (спокойствием суфия)
сходит в могильную стужу, принимая пурпурно-лиловую смерть
от руки привратника ночи.

Стекла машины расшиты дождливым пухом,
глотающим теплую гниль мартовских ветров.
Рубиновый след
горизонта плывет в летаргических водах.
На кончиках пальцев
огненный лед и бархатный холод.

Целлофан

Смуглые перья востока бьются о створки глаз (наводненных ромом ночного фужера).
Ритмическим маршем Deep Purple сновидения лопаются на лоскуты беспамятства.
Свинцовые тучи швыряют на землю влажные лепестки весеннего снега. Тяжелеет
нервная накипь дорожной развязки в целлофановой линзе окна. Кофейная пряность

разливается беспорядочной лихорадкой в пульсе сердечной мышцы. Измятые простыни,
еще дышат уютном черного полиэстера на теле пустынной прохлады. Возьми меня за руку
и отведи обратно, на берег слезоточивого моря созвездий, где беспросветный воздух
одинок, (также, как и мой голос) безучастен в слизи лунного хрома, одень меня мраком

спящих цветов, чтобы я видел свое лицо. Я обращаюсь к тебе, часовой закипающей крови
утреннего холста, будоражащий беглую сладкую смерть огненной пряжей звезды,
держашей в прицеле монтаж дневного абсурда. Монотонная безусловность
востока – константа жертвенного пробуждения – вползает в подвалы весны.
Я собираю последние капли угольных вод на дрожи ладони.

Цветомузыка

купоросная шляпа полдня
ложится на бруснично-осиновый луг
в порфировой крошке цветов

цейлонский алмаз эфира
прошит гиацинтовыми
арабесками солнца

терракота тропинки ведет
в павлиний туман
касторовой роши

муаровый шепот листвы
обнажает гортензию
твоего сердца

Ранний Матисс

из эфемерной туманности Тернера
раскрашенных плоскостей
солнценосного зодчества
японской гравюры
средневековых эмалей и витражей

колоритного симфонизма –
революция тона
(ничего, кроме цвета,
афористичность эмоций)
природа грации женщины
вечность простосердечия
надежда
трактовка натуры
гармония в разночтениях
Французская воля
варварство и утонченность –
шкала инстинктов
патриарха-ребенка фовизма
(говорят, когда он работал,
он верил в Бога)

На алтаре из лунного камня

Свет мартовского снега –
отголосок лилейной зари весны,
оркестровая блажь бисквитного неба,
девственный луч хрустальной альпийской слезы –
так прощается холод с тобой,
так встречает тебя наводнение коротких ночей
и мятный настой
оживающих почек теплых созвездий, чей,
стреляющий звоном серебряным, кратер
переполнен бордовым вином
чувственных мук и объятьями
розоволицых рек. Ляжем на дно
алым корундом заката, диадемой
радуги из перламутровой пыли
украшим мотивы берилла
в зачатии сладостно-нервной
талой воды.
Соборная млечность.
На алтаре из лунного камня –
мартовский снег, что в руки твои
пламенем лилий падал
и превращался в жемчуг.

Органная fuga растаявших ледников

Солнечный улей распотрошила апрельская вьюга.
Теплым дыханьем гуаши хлестнули ресницы аллеи.
Пепел оранжевых ливней колдует над лугом
пьяных от запахов глаз, от запахов дуновения
лазорево-облачного листопада. Органная fuga
растаявших ледников смазала ядом песочно-болотным
синие губы зимы. Сладкой изумрудной
выложен путь в наш последний приют, сотканный
леопардовой яшмой заката.

Сердолик

Многотонной мандариновой подсветкой горизонт трещит по швам в вечерней луже

мягкотелого налета мая. Пар дождя толпится на асфальтовом поддоне.
Воздух липнет легким алкоголем к розе губ. На тигровом глазе неба
отпечаталась любовников душа. Ты веришь в душу
вишни, обретенную весенним пеленаньем? Ты веришь в нежность лона
сердоликом тающей звезды? Если, да – возьми мою ладонь –
она из льда ночного, она из млечной вены
полночи прозрачной, в ней серебряный огонь
и вод хрусталь...

Жатва. Импровизация слуха

Тишина выходит из тени, тишина моих слов, бессвязных лучей
заходящего солнца. Лунного крика овал – ночная аэрография –
мертвенной желтизной выливается в автоматический ритм письма. Воск свечей –
запах удушливых нот –
плавится смертью огня
в янтарно-кофейном брожении.
Томас Стернз Элиот
говорил – каждое стихотворение есть эпитафия –
но для меня –
свидетельство о рождении;
сладость бега без ориентиров по музыкальным дорожкам иллюзорного
каталога звезд; зона
повышенного возбуждения
внутренних красок; внутреннее проклятие
шепотом сонных кленов, осин и берез,
их песенным строем, ведущим мой пылевидный слух.
Тишина скользит невесомостью слез
ракиты, тишина моих слов, пепельный звук
нордовых спящих аллей,
фантомы табачного дыма.
Сколько еще мне отпущено веры
в витрины
из смоляных хризантем, из вороной
влаги,
из золотом липкой
осенней муки?
Вспоминается Аполлинер –
я выстроил дом свой в нагом океане,
в нем окна-реки, что текут из глаз моих.
Иконой застыв,
черная степь обнажает раны
строки.

Гвоздика

Привкус твоих проснувшихся губ –
мягкость и легкость солнечного
вина
из монастыря
восходящей звезды
востока.
Раскрывшись гвоздикой,
ловить им пыльцу поцелуев
с утренней кроны зари.

Вдох-мгновение

осколок лазури
в пыльном окне дыхания
молитва
вино
женская ласка и боль

Писать о золоте в дыханье малахита

Обглоданный усталостью маршрут осеннего прилива
сведет объятыем ржавым. Писать об осени весной –
бессонницы привычка, когда глазури лунной недосказанность клевет
застывший слиток глаз, и ветров черных грива
расчесана шершавым плеском лип. Фонарный зной
отравой бледной греет, астрологический серебряный налет
задекорировал небесной нефти море.
Писать о золоте в дыханье малахита –
примета расщепленного ядра нервной памяти,
когда рассвет, налитый мышьяком, струну настроит
в венозность седовласую ручьев, и в рваном платье
скверов швы воскресают тополей, мясистой пихтой
сводит губку легких. Моя природа мозаична, из осколков
зеркальных глубже виден свет, чем в плоскостях,
и стон ночного вакуума ближе
к прямым ответам, чем полуденная потная
рубашка облаков, а первобытный страх
мудрее и целебней кости книжной –
мне так шептал тенистый сладкий смог.

Парижская школа

Бросаем в котел и плавим –
неолит, греческую архаику,
средневековье, барокко и романтизм –
на выходе – Парижская школа –
Утрилло, Сутин, Модильяни –
экспрессионизм –
тьма и проза существования, бремя
души, демоническо-
фаталистическое мифотворчество,
люминесценции идеализма,
иррацию ночи,
суверенность внутренних красок
от предметности,
истина окружения тяготеет
на волоске из ветра,
сверх-индивидуализированные
неоднородность, противоречия, неадекватность,
философия жизни,
искусство кричать и плакать
дождем из пепла
свободного духа.

Фарфоровая меланхолия

Фарфор зимы разбит в болотный сумрак весенних трав с оливковых дорог.
Во мне метель скучает белым полем, во мне граненый иней рвется в блеск,

и теплый шум оживших парков режет слух. Как же далек от глаз подснежник солнца (расплавленный в окрестности журчащих переулков), и, как кристальный север свеж звездой пустынной. Мне не хватает грозового сна холмов хрустящих в ледяном восходе, следов химеры снежной на стекле. Фарфор зимы впитала, лишь луна, и ей мои молитвенные ласки, и ей, ночной сестре, мое остановившееся сердце. Гаснет холод, толпа надеж сбивает жадно с ног, и в мертвенном шатре сорвут медитативное дыханье – февральский войлок, обветренный в пунцовый шелк январь, закатная декабрьская медь. Мне балаган бутылочных ветров, как приторная чаша; мне волчий вой – священная пора. Земная твердь плывет и поступь сводит меланхолией воды. Фарфор закрашен лживым лоском полдня – я ослеп...

Больничным халатом березовой рощи и кровью черешни, чахоточной молью души тополиной и пламенем яблонь свой взгляд напою, оберну, перекрашу по образу и подобию, пусть станет рассветом жемчужной сакуры, черемухи нежным дымком, пусть змеится плещом и купается садом сапфиров небесной породы. Творец – это то, что прописано в каждой ожившей клеточке плача младенца – дань абсолютной природе сквозь матовый кварц человеческих граней. Кто не забыл до конца, тот однажды возьмет каплю хвойной влаги, скрипичной ивы брожение, дубов тенистую бездну – разговорит, и вернет, и подарит, как ритуал всесожжения, Богу.

Жреческая соль

Положу на сердце отголоски жреческой поэзии волн фисташковых. Тишину льняную, хлопок облаков, свечи рощ сентябрьских приму себе в собратья. В зеркале руды ночной старателем возьмет меня пещерная луна. Почерком олив под ониксом дождей след свой разукрашу, след, ведущий в кому белых ароматов мрамора зимы, след, ведущий в платье снов аквамариновых речных, след луча окна, пробивающего мрак гробов панельных глянецом родников. Музыка колодезного дна расплескалась бриллиантовым приливом отдаленных звезд. Зубчатыми ртами контуров скалистых ветры нагоняет. Маслом и елеем стелется, клубится рана из цветов на земле каштановой, где мой посох падал усталю и лвиный рык заката пел листопадом алым в нордовый мой лагерь. Там помажу лоб свой и ладоней пемзу дымом горизонта, там напьюсь из слова, данного росистой утренней печалью, там свяжу дороги на скрещенье неба с тьмой души тревожной. То, что окрыляет, то и губит верно, в тысячный, и в сотый, словно в первый раз; память – друг нетвердый, тем, кто поедает хлеб из рук фатальной ледяной прохлады звездочки дорожной.

Неврастения. Весенний ритм-н-блюз

Болезненно-зеленоватый ритм с прослойками капли и битого стекла февральского экстракта, эмбриональный уголек на свежести топаза, соломенный парфюм землистой атмосферы под ногами, нервная игра беспечного сознания, поточный выхлоп уличного бега, сток облачного газа над головой выводит ленью минерал сетчатки. Нагое дребезжание древесных вен в истерике пернатой, вечерней карамели протяжность до Арктики остаточных явлений, слепое обожание полов и многомерность поцелуев оста на мятном женье кожи.

Баллада

Бриллиантовый слог ночной сферы нашептал симфонизм тиховейный на ржаной панораме безлюдья. Медитативный прилив колоннады фонарной – словно эхо античных руин. Пустотой вспаханный, сдобренный черной пеной рассадник углекислот – ящер дорожный – скован железом снотворным, полярной

прохладой обратной поверхности силикатного трупа луны. Лимфатический ток проспектов изъясняется на языке мессалин. Параноя травящих память картин, оттисков темнопородной слюды четырехглавого монстра Малевича. Я люблю быть один на один

с собеседником, тлеющим вязкой смолой пространственного воздержания, ледниковым стоном блюзовой импровизации окон, хранящих молчание. Пластикой ягуара расплетается кокон карей души. Содержание обретает форму всеобщей тени. Мертвое ожидание

первых полупрямых кипящего цитруса с горизонтального шва. Вещественность – призрачна; иллюзорность – предметна. Стыд дневного излишка прикрыт вороной океанической шалью. Бриллиантовый слог ночной сферы смеется бессмертием смерти.

Миднайт. Баллада #2

Холодная энергия материала ночи наносится неровными мазками на мольберт глазного яблока – алхимия сиреневых подтеков сквозь мгlistую зарю. Эфирные импресии, обвитые туманами абстрактного руна, доводят геометрию души до многомерных плоскостей межзвездных ветров. О плечи бьется горлицей воздушной меди напряженье. Оскалилась гримасой лунной рябь в пруду, заросшем лютней склизких лягв, и я вытягиваю пальцами холодными со дна слепое наслажденье.

Жаворонком

Мякоть апрельского солнца закралась ознобом бриза в шелест лиственных пальцев на изумрудно-горчащем скелете. Изысканность легкой походки женственности слепит чумазую плесень сдавленных прахом сугробов. К хрустальной мелодике водопадов карнизных подмешано коррозионное пойло зимнего ветра, чахнувшего в окрестностях бодрых затрецин змеевидных лучей лимонно-водного неба, что ползет за шиворот лесопосадки столбов,

заливает сапфировой кислотой поры
асфальтовой планиметрии,
чьи выбоины, запекшееся смолой облаков,
слонявят воображение форм.
Скорлупа недоношенного, недоквашенного лета

трещит в ароматическом поле рассвета,
масло с его розовых губ струится по коже спальни,
я храню этот медленный свет между строк распечатанных
окон, теплый тающий вкус созерцанья свечи.
В шелесте лиственных пальцев на изумрудно-горчащем скелете
прячется песня жаворонка. Опалом
искрится раненье ночного холста, причастие
крошащимся хлебом гаснущих звезд и золотом вешней лозы. Лечи,

врачуй меня лаской болезненной зелени,
рожденная пеной морских куплетов.

Гобелены

верблужья шерсть целебного тумана неба
неба, цвета побегов можжевельника,
цвета середины мая

поздnezакатный циркон
дорога из звезд – металлический блеск
оперенья скворца

тень шагов легка, как чистая ангорская пряжа
подвижна и незрима,
как флейта иволги

хризолит родниковой травы
молчалив,
как белый аист

мягкость и теплота кашемира
в размахе крыльев
степного орла – ветра

Parterre de fleurs*

Загляни в глаза мои,
там нашли свою нежную гавань, parterre de fleurs:
вечноцветущая бегония восходящего солнца,
магнолии древнего парка созвездий,
гиацинт печали летнего вечера,
ирис меркнувшего неба,
цветущий жасмин снежного аромата,
пряный лавр разбега морской волны,
горная камелия души, ищущая яркий рассеянный свет страсти,
алоэ живительных соков священных дорог,
анемоны легких весенних дождей,
вересковый эль звенящей росы,
олеандровое ожерелье тающего горизонта,
шалфей пророчащих песен ночного ветра,
эвкалипт эфирного масла июльского полдня,
махровый пион заката магнитных полей весны.

Загляни в благоухание глаз моих,
строгая красота.

* - (фран.) клумба

В саду расходящихся хокку

№ 65196

онемел язык
теплый гранат заката
молча склонился

№ 65225

скован молчаньем
жемчуг ночного неба
лишь ветер в лесу

№ 65257

белое небо
пепельной розой зари
сердце воскресло

Каприз ля-минор

Камнем плывет по волнам пьяной музыки племя неоперившихся скверов.
Ржавые трубы сорванных связок весны, горький светильник утренней мяты,
скомканный воздух в свинцовых тонах, слезы слепого сновидца рассвета.
Преломленное прахом влажной земли ощущение тяжелой свободы. Вата

туманных цветов, призрачных почек-рун узелки в атмосферной похлебке,
кафель дождливых надрезов. Остаться один на один с мечтою о ласковой смерти
в дионисийской траве, опасть аллергеном столбов тополиных в походку
влюбленных теней. Секунды, минуты, часы, километры

и еще пятерка незримо сжатых пространств - координатная сетка
слепленной страстью плоти, бродяжки и попрошайки - секунды, минуты, часы
и вечность мгновенья вскрытого жемчугом лотоса. Заводь рассвета
спалит чашу ночную, пыль мостовой похоронит пепел черной листвы

на венозных развязках. Слышать, лишь бархатный шум воды
в озере глаз первой встречной, чувствовать, лишь
острие наконечника огненных стрел с протуберанца звезды
сердца, ждать, лишь данности совершенную боль,
бледные губы смочив соком багровой вишни...

Визионер

... и вот я стою
на растекшемся огненном поле,
за моею спиной
синие стены небес
и прохладная стружка реки,

...цветок греческого огня, дрожащий под пледом осенних кленовых листьев...
...капилляры фонарной флаги, рыжей, как борода Ван Гога...
...лабиринт Минотавра, распутанный постижением смертной природы...
...жизнь, смотря на тебя, я вижу палитру из слов.

* - (нем.) свободные ассоциации

Притяжение

Стена дождей над саваном окна - запахло степью.
Докуриваю снов краткометраж.
О чем ты думаешь, когда клинок рассвета
вскрывает сердце, полное любви?

Я, кажется, нашел ответ
в твоих глазах, что так нежны от милосердия
и материнских черт.
Я словно агнец на твоих руках -

молчащая слеза за предрассудком мужественной
плоти. Туманный взор Эдема -
и на росистых от вина устах
прикосновение, как глубина надежды.

Беседы солнца и луны. Берилловой прохладой
дождь размывает стены
недосказанных объятий.
И в нашем доме снова фимиам и ладан...

Интродукция

Отыгравший ноктюрн черной воды.
Раннего неба сурьма. Кокаиновой дымкой
в галерею окон воскресных падает горизонт.
Ломтики кровель чертят фигуры
архитектурного шума.
Каприччио апрельской прогулки по солоду луж.

Склоняющая слух. Парафразис

Инерция начала.
Тибетская флейта и колокольчики,
как последнее дыхание в океан без волн.
Небытийный, горящий, сверкающий ум -
предвечный свет
великой вертикальной тропы, ее прозрачное тело.
Озаренье за смертью в сознании, разрывающее цепи Сансары,
экстатическое слияние предмета и взгляда,
видения запахов обольщения.
Стань звуком, ощущением зеркальных стекол,
мандалой сердца в чистом белом пламени,
состоянием не рожденной мысли,
явлением тайнописи, сиянием четырех стихий.
Несокрушимый свет жесткого блеска спасения,
рождение призраков, тонкое наслаждение
в тающей встрече с Бордо Тодол*
на увядающем лотосе авантюрина солнца.

Позднее покаяние. Тень материнской утробы
стелется черной пшеницей.

* – Тибетская книга мертвых

Фианитовая капель

Капелью фиантивой с ветвей слащаво-прелых стреляет пенье птиц.
Бальзам весны съедает черный снег, и мне, уже неважно
откуда дует ветер..
Разливом лаймовым реки смывает берег склизкий.
Клубится сонно-ржавая
трава, и я срываю лепестки рассвета,

чтоб ими устелить твою прогулку в дождь,
когда созреет невесомость шага.
И дальше, дальше будут хороводить
с тобою липы, вязы и дубы, пока идешь
ты и качаешь солнце на руках,
огонь зачаточного плода

лета, прижав улыбку теплого луча
к нагой груди. И будешь бредить
зелеными беседками и скверами
на сырости кремнистой. Но, только, лишь свеча
уоставших глаз взметет молитвы к небу,

вдруг осознаешь, лето – это ты,
и дашь ладонь мне, полную цветов
твоей любви,
чтоб искра с пламени волос прожгла бессонницей
наш лунный сад.

Полутона

Отцветающая матовая скорбь вешнего ручья.
Городского воздуха хорал, искрящий лазуритом.
Гематитовым дыханьем обелиски трупные заводов
ловят взгляд – на нем – молчанье рун.

Солнца бледную ожившую креветку
встретит плачем, стоном первобытным
прошлогодня зола травы.
Эликсир тепла обил подмости. Сплюнь.

ТЬфу-ТЬфу-ТЬфу – прокашляет вдогонку
ветер-ласточка сквозь магию Венеры,
расшвыряет пыль пятнистой яшмой
и присядет на плечо топазом

из созвездья Овна. Кровь пространства,
как мелодия тибетских чаш, напела
звон целебный, джаза благовест.
ТЬфу-ТЬфу-ТЬфу – не сглазить.
Не сфальшивить.

Пастухи звезды востока. Холст. Масло

А на небе великое соединение Сатурна и Юпитера
по имени Иисус,
тысячи жемчужных Будд,
лицо Моисея, окаменевшее лунной поверхностью,
а на земле ночь и снег,
воскуренный дым безмолвной травы
созерцания,
васильковая пряжа глаз новорожденных.

Заговор

Драгоценнее алмаза
колыбель садов твоих –
марта кровь – что винный сок,
безрассудной плоти заводь,
ночи юная богиня.
На губах твоих я таю
медом сахарной зари.
Принеси мне золотых
струн букет
для песни лета,
чтобы полдень смыл золу
в голубом агате неба.

Контрасты с привкусом ностальгического сна

Туманность взгляда брызгает сырой волной и тиной,
чешуйками холмистого прибрежного песка,
бутылочно-индиговой прохладой, соленым инеем
святилища заката с престола Посейдона.
И ты идешь, грузнея вкусом рома, глиной
смуглого лица, под зонтом кипарисового сна.
Оранжевая бархатного тлена страстей,
скрип чаек, шипящей пены сода

полощет твои ноги. А у нас, зима...
У нас жжет обнаженность на кремowych полях,
в тряпье дорог простывший зуд авто,
по улицам капель стеклянных взглядов
и вечер падает, как пушечный снаряд
в грудь кратковременного солнечного праха.
И я иду, сливаясь дымом снов
панельных склепов, пепельным обрядом

зыбучей вьюги. Но и до нас размахом
крыла серебряного донесла луна
свет южный, теплоты запруды,
когда ресницы зреют тяжестью свинца,
когда я четко вижу сам себя
на берегу, объятый млечной пудрой
остроконечных звезд, в безумстве мудреца,
по гальке черноморских пересылок
бегущим в зимний сумрак.

Аврийль. Колыбельная

Тише, девочка, тише...Лед апрельский, так тонок,
зелень еще, так хрупка и невинна в свете хрустальных фонариков звезд.
Луж колыбельки парируют солнца
кровь голубиную, и акварелью
дождик стучится в чумадые окна,
дождик зеленый из почек и ветра.
Тише, маленькая, спокойней..
Холод апрельский так нежен, так строен,
крылышки туч садятся на кровли,
чтобы утешить глазки твои.
Тише, родная, вот шелковый лучик
песни прядет, пеленая аллеи,
змейки ручьев провожают кораблик,
тени аллеи шепчут на ухо –
тише, девочка, тише...

594 знака кармы

серебряный свет колокольчиков, мандала вздутого солнца.
мне подарили жизнь, форму в пространстве, принявшую внешний мир.
во мне возбудились реакции на пространство в инстинктах и ощущениях.
я инициировал, утвердил активный ответ на стимул.
я интерпретировал и уложил в границы эмоции и рассудок.
я интегрировал чувства и интеллект во вселенную спроецированных икон.
тень загрязненных фигуры лежит фиолетовой ночью,
не преобразенным болотом на зеркале глаз моих.
я повторяю – рупа, ведана, самджня, санскара, виджняна –
пять элементов матовой консервации,
пять кинжалов в плоть растворения в свете реальности.
медный звон колокольчиков, сфера погасшего дня вещает мандалу вздутого солнца.

Иритэ. Японская старинная музыка

Словно шагает
по солнечной кроне
хор золотых бубенцов.

Словно родник
крошит хрусталь
на шелк кимоно.

Словно луна
растворяется в ряби
горного озера.

Словно звезда
искрится мотивом
прохлады алмазной.

Словно свеча
кольшется светом
вздоха ночного.

Словно снега
нежного лотоса
падают в руки.

Словно клинок,

обагрённый закатом,
дышит бессмертьем.

Словно безмолвие
храмовых стен
заговорило.

Словно ручья
прозрачная кровь
в сердце вошла.

Зенит Фудзиямы

Лунной кувшинкой плывет
в подтеках радужносинего
авамарина
раннемолочный, пергаментный, мраморно-белый
зенит Фудзиямы.
В бронзе зрачка
отливается ценным кораллом
пламеннокрасное
сердце твое.
На устах
остывает свинцо-серый туман
сланцевой ночи,
где ты оставила,
в простынях трав,
ожерелье песочных звезд.
Скоро, желтый металл заката,
скоро, темно-лиловый
ветер ночной.
Жжет драконьей слюной
долготерпение,
легкостью тяжкий
труд любви
цвета кармина.

Агни-полдень

Агни-полдень дышит нектаром в сахарно-белых одеждах.
Всадники ветра
слагают гимны под деревом Бодхи.
Золотисто-красное
воплощение
двадцать восьмого лета
принесет мне зыбкое счастье.
Аспидной тропой
в смоли лиственной памяти
лотос пробьется
твоей улыбки на платье
небесной портнихи – любви.

Зимцерла*

В глубь, в степь, в стон, в рог – колокол перемалывает воздух,
колокол восточного вздоха солнца.
В лед, в ширь, в плавь – ставни небесные бьются о шорох

овсяных стоков тумана.

Как прекрасна надежда, дающая смерти отдых, как священна весна,
дающая мертвому взгляду колос,
согретый губами медовыми ветра-южанина. Изумрудные
лиственные костры, хороводы полян

в девственных красках, улья дождей с радужной вязью –
не дадут спокойного сна в молочных гробницах
зимы. Грозы вещают, гроздь клубятся, тени свисают,
легкость глотку дерет.

Пой, птичье лоно, мне винной струей, напоившей
облачную колесницу;
строй мне палатку из теплых еловых веток, зодчий лесной;
ко мне на чай зайдет

в поздний час, красавица лунная. Мы просидим до утра,
до колокола восточного вздоха солнца,
до багряно-лазурной росы на щеках, до изнеможения,
жжения мышцы сердечной, тления глаз коралловых.
В сладость, в кровь, в солнечный пот травы луговой –
оденется юный воздух.
В лоск, в луч, в лик, в соль – осыплется пыльное отражение
наших нежных желаний.

* – богиня весны и цветов (слав.)

Химера

Остекленевший огненный шар Дианы,
мраморный берег ночной,
меридианы хвоинок звездных,
феррум дыхания Аквилона,
артерии ароматов
холодного океана
Фобоса. Чадной свечой
пробирается какофония поздних
оркестров в дом мой,
в дол мой, в боль, в долю,
в воздух, в лозы
проекции окон. Иллюминации грации
и кривизны весны, ласка
и деревянистость предчувствий.
Пусто, пустынно, картинно
густо от смол и темно-красной
пляски
далеких костров.

Бельканто

Бельканто – лесной пожар многоголосия, кипятик медвяной тревоги.
Господи, я сорвал слух.
Щеглы, дрозды, соловьи, синицы,
иволги, жаворонки, канарейки, камышевки, пеночки –
адамантовые цветы садов музыки
осыпаются рогом
изобилия, чистой, прозрачной криницей,
ветерком голубоглазым с веточки и на веточку.

Как хорошо помолчать, отдышаться молитвой певчей,
сбросить плоти трофей, рассеяться млечным фоном, слухом
в пульсаре зеленого моря, воскреснуть азбукой жизни.
Утраченная, упущенная,
простосердечная
живинка,
как призрачных золотарей оплеуха –
бельканто – вешний разлив Орфеевых рек, цветущая вишня
слуха...

Черная соль

О, Африка – корабли из песка, бледная кровь оазисов,
прекрасная нищенка, растерзанный жарким ветром шелк
янтарного паруса, львиное логово черного сердца.
О твой гранит разбивается волн стоглазый
огонь, яд скорпиона в твоих жилах, сок
плодородных рек питает твою грудь, блеск

ритуальных костров покрыл твою кожу сухую.
Пепел серебряных водопадов
проливает слезы,
песни шаманов запрятали скорбь в эхо древних пещер.
Саванны опять ждут дождей,
гиены лакают
воздух ночной падали.
О, Африка – кричат корабли, черная колыбель,

качаемая
сединою времен,
свободных, как тень гепарда...

Блаженная

Любовь, отдавшая себя всецело, до рваных струн, до ядовитого рассвета в глазах
багровых облаков, до помутнения озер ночных, любовь, разбитая о скалы
расстояний, ожиданий и тревог, она, еще в тебе дрожит осиной и осокой
под млечным заревом полуденного света, еще старается вдохнуть в закатный прах
луч свежей крови. Осенний дым волос, мелодия усталых
нежных губ, ладонь, слезоточащая росистым соком

и диадема кротости луны – твои открытые границы. Алмазным наконечником
пера несешь по воздуху элегии и мифы, и к ним, свою польню,
печальное лекарство, благоухание сапфирового норда подмешиваешь ветром карим.
Кто не боится прогореть – сияет; ты ставишь все на вечности картечь,
на острие медвяных трав весеннего мгновенья; тебе кричат – отринь,
а ты ответом – нестерпимо; тебе пророчат ночь – ты укрываешь ее алым

ожерельем сердца, розою груди, возделанной слезой. Листва шагов
осенних, священный хлеб с созревших нив молитв и самоотреченья,
парное молоко дыханья, созвездия прикосновений – твои
приметы в долгом странствии голубки. Лед басовит, туман суров,
надежда – призрачное солнце; но ты не знаешь сожаленья
в боли, отдавшая себя всецело, до рваных строк, до выжженной зари.

Лимонад

В теплице майских богов созрела дождей лучезарность.
Выходи, впереди шаги-снегоступы в лимфу дорожную.
Оглянись, море лиц со страниц изумрудной книги
расписались душой неумытой в лужах хрустальных,
покатились шарманкой, стеной бледнокожей
на южную сторону неба, навстречу душистой стихии

стихов лесостепи. Впрочем, сон тоже уместен,
когда не по средствам скупаем огонь земляничных фонтанов
с витрин каприччио лета. Колется мозг от розги
воздуха прелого, молится на березовый крестный
ход рощ осветившихся, взвившихся пьяной
оградой перед стеклянно-бетонной пыльной россыпью

офисной шахматной партии. Да что там..
Умереть холодом, переродится розовокрылым цветком,
обманчивой красотой любовницы-зорьки, долькой лимонной
в чайной процессии вечера, еловый смех приложить к устам,
лань золотую злобного полдня, ночь вороную, объездив хлыстом,
в охапку и в душу, в слушанье, в службу музыке дольной.

Чему талант, плыть радугой – тому не миновать;
плыть яблонями, виноградниками, ладаном, хмелем с кровью
пашенки влажной, курчавой, отчаянно прорастающей в солнечный зев,
надъшавшейся смолой кочегара звездного. В пляс сладсть,
в бок нож от любви болотной, цедащей, новой,
старой, дурной, атласной, какая разница, если, это и вправду любовь,

с ладаном, яблонями, хмелем с кровью, сорняками, с осенью,
с проседью, швами цветочными, почками, почерком стихотворства,
какая разница, если болит, и гонит, и стонет зеленой скрипкой
гортань, рана открытая, ненасытная, вещая, лечащая
и убивающая...

Синестезия

Забиться в угол от света, свиться лисицей снежной –
не так то просто, когда под сердцем тесто спеет – горящий уголь,
туго привязанный к злакам неба топленного.
Молчать слепотой, созерцанием сальным, матовым, туманом грешным
ползти между трав, пламенеющих дурью
густых мазков. Спрятать лезвие закаленное

в сонное лоно завязанных губ, лезвие проникновения
к плоти всеядного солнца, к горлу стоголового горного баритона,
к блюдцам озер, сплюснутых бирюзой, яшмой, влажным
бальзамом подводных ключей. Легкость мгновения,
объявшего облачный сад, перевесит века чернозема
и многоэтажного жира в зеркале бытия. Страшно,

страшно оставить натруженный взор, тонкий, ломкий
пробором реки, дуги горизонта отведавший, сведущий
в цвете лилейной листы января и, принимающий, с тем же
гостеприимством, листья медвяно-хлопковые
августовских родников. Укрыться ленью глухоты, стелющейся
вакуума ткань на заточки свирельные в баснях скворцов, на лежбище

песен ветрено-сладких – можно ли, Господи, твари твоей,
бедному страннику, ратнику, всаднику апокалипсиса и святоприемнику.

Можно, если забыть, что тленен, что плотски обременен и влюблен
в пробелы священного текста природы, а не в олово слова
звездной ночи на шлейфе чарующей вены
млечной дороги. И если, все же, забиться в угол, то, только под это крыло,

под этот мотив алмазных дождей, под этот клубок рептилии лунной,
до самого мяса неисповедимых струн.

Поток И цзин*

парящий дракон населяет небо
ожидая кровь за вином и яствами
обладай правдой
луна уже в полнолунии
укрой оружие в зарослях
наступая на хвост тигра
тигр глядит, вонзаясь, в упор
его жажда – погнаться вслед
заклучись в чаще терновника
в правде прекрасного
не служи ни царю, ни князю
будь крепче камня
брось колесницу
иди пешком
раскаяние пропадет

* – китайская "Книга перемен"

Искры клена

бабочка села на мраморный камень
как трепетно время

в лунной печали разрушенных храмов
солнце лотоса

с осенним закатом
венчаются искры клена

звезды с ладони ночи
Север сдувает

толика счастья
дыханье картин из песка

свежесть рожденья
в свечении сосен

кофе на дне чашки
откровенье опавших листьев

черный хрусталь
сердце разбитое женщины

лед родника
звук созерцания тонок

серебряный танец рыбы

стремится слиться с водой

взгляд отражения в озере горном
голубкой вспорхнул погасшей свечи

Пить из прозрачных губ

По спине льется черное пламя волос, словно кровь, обагрившая жертвенный камень.
Ветер орлом садится на руки, тигрица склоняет послушный бархат хребта.
Твоя грудь полна медной прохлады вечернего кубка неба, и я говорю –
уйди, чтобы мне не ослепнуть нежным грехом; и я говорю – останься, играй,
но чтоб мне не прозреть в холод привычки. Читай с золотого листа
сентября мудрость заката, пыль увядания, готовясь ко сну

расспроси желтый свет ветвей за окном о прекрасной смерти,
узнай в храме памяти вес наших слов и обетов,
живи вечным "здесь", когда я вяжу дожди в букет серебристых лучей
и кидаю к твоим ногам, когда я готовлю на склоне лета
праздник прощанья, прощенья, листопадом свободного сердца,
где возможно, открыто уйти, но остаться будет важней

и печальней для слухов скупых пророков. Зрачки обдаёт сединой
лунной шагрени, гаснет дыхание, связки звездных ключей
отворяют черное око неба, черное, как пламя волос,
как кровь, обогревшая жертвенный камень. Ветер орлом
взмывает в пространство без измерений, вечерний ручей
в твоей груди поет о возможности пить из прозрачных губ.

Крест

Под навесом из кленов и вязов,
сквозь метели осинových струн,
уводил меня ветер бездомный
в край чахоточной лунной земли,
в край могильных воздушных ручьев,

героиновой мглой звезды
проводжала меня
меланхолия-смоль
небесных
холмов,
проводжала меня в крик рожденья,
в холод зимних прикладов,
кровью веры слепой
обагрённых.

И сказал мне Кто-то – дыши,
и сказал мне Кто-то – люби,
и увидел Кто-то, что это недурно,
не увидел, лишь я никого,

и сказал пустоте – дай отведасть греха,
чтобы молча нести покаянье.

Вавилонянка

Ее табачно-винными духами

пропах обряд полночных дионисий,
и черный дым изъел глазки дверей
на древовидном направленье ночи.
Она искала света желтых фар
и геометрию чердачных полонезов,
она вдыхала девственный покой
в чужих руках, в холодных ожерельях
бескровных мотыльков, в глотке луны,
подвешенной на бедрах медной гирей,
и пепел серебра в ее ногах
хранил желания и звездный пот постели,
змеиный яд и шоколад нагих аллей
течением ветров безнадежно поздних.
Ей имя – ночь, ее огни – метель
туманных шелковиц с каймы проезжей части.

Мадригал

ласки твои – лотос
кудри твои – месяц
мысли мои – птицы
в окнах твоих гибнут
окна твои – осколки
неба из лазурита

Я люблю чувствовать знойное эхо твоих шагов в воздушно-льняном халате,
в лилово розовых крошках заходящего солнца на подносе крыш,
где затерялись твои холмы, искать приметы тепла догорающего хвороста.
У побережья луны колосятся твои мечты, звездное кораблекрушение,
окропившее щепками серебра кроваво-угольный слог волны.
Я люблю скитаться по паутине влажных рубинов твоих губ, по бриллиантовым лезвиям
сонных ресниц...

ласки твои – лотос
кудри твои – месяц
мысли мои – птицы
в окнах твоих гибнут
окна твои – осколки
неба из лазурита

Я люблю слушать лесные тени, ведь в одной из них когда-то билось дождем
твое сердце, юное, свежее, наводненное пеной листвы и прохладой фиалок
Ты прячешь взгляд в молчание белобородого облака, ты срываешь дыханием
капли цветочной росы, тебе идет непринужденная скука березовой тины.
В камышах прячется дух воды, знакомый с твоей наготой, охраняющий ее тайну
от выскочки ветра, я люблю наблюдать их кремовый бархат и падать
сгоревшей свечой в ромашковый иней на берегу...

ласки твои – лотос
кудри твои – месяц
мысли мои – птицы
в окнах твоих гибнут
окна твои – осколки
неба из лазурита

День склоняется розовым паром,

Как душа нисходит во мраке,
Я давно не брал в руки гитары,
Не щепал загривок собаки.

Я застыл в ночи лунной занозой,
И свечу в одинокие листья
На осеннем крылатом морозе
Вперемешку с сердечной слизью.

И надежды соломинка тащит
Моих слез дождину по полю,
А за полем дымящийся ящер
Паром розовым сумерки поит,

Ящер солнца закатного, окрик
Дня мертвецки слитого в память,
Я давно не смотрел в твои окна,
В ожидании первых свиданий.

Я забыл, что такое – волнение,
Пульс ручьев под рубашкою мятой,
Я прозрел, что такое – смирение
И травы прошлогодняя мята.

Но ты веришь – это непрочно,
Все пророчишь – это на время,
Лунной щепкой дотлеет ночь,
И рассветом юным повеет,

Что, влюбленный в тебя снова,
Распускает букет романсеро,
Но день клонится мутью лиловой,
Как душа прощается с телом.

Шкатулка со льдом

Жизнь не по лжи – дорога цена – драгоценна – примешь ли ты меня
с заусенцами слов, с черной скорбящей истиной, с чистым алмазным
лезвием, вскрывшим скорлупки подтекстов. Нежные песни –
слепы; сочные рожи – расплывчаты; северный воздух – прозрачен;
долгая ночь – терпелива и глубока. Сахарные конфетти для тебя –
мне, что скрежет железных петель; ласки апрельской ливень чумазый –
мне, что душа черепичных барханов – сможешь вобрать эту честную,
злую весну моих глаз, это волчью преданность вещему плачу.
Полет капризов – летуч, до отвращения; полет молчания – каменный лотос –
молчания, говорящего само за себя ...

Инсайт

Луна по волнам отлилась расплавленным сыром,
гремят серебром небесные колбочки звезд, тихо-тихо
бусины гальки перешепнутся, и промочат кремнистые губы
сыростью пенной. Дух беспроглядного ила
кружится в гортани, чайки раненный крик
ветром брызнет в лицо, взгляд безмятежного Будды
сойдет с кипарисов туманных, пальмовой тенью
скроется пьяный ручей.
Я все сказал...

Утесы хранят тишину.

Прелюдия А

Мы писали кровью на влажной бумаге ночи портрет предвестия мая,
до звезды восхода, до кровавой купели востока,
последним штрихом опрокинувшей теплое небо в наши сердца.
Угольная сырость асфальта, словно каменная роса, кажущиеся холодной пустыней коробки домов
Я не могу остановить пурпурную жидкость, льющуюся на пожелтевшую бумагу
утренних ветров, я не в силах прервать родниковую песню раненой плоти весны.
Привкус вчерашней любви плачет гранатовым ожерельем отражения глаз, алмазная соль облаков
на ветвях тополей, сонная слабость воздуха дышит берилловым алкоголем –
мы бросаем в топку слова, и они сгорают юными розами на жертвеннике янтарного солнца.

Прелюдия В

Раскрепощенная дождем и молнии цветком украсившая вечер,
ты приближаешься на расстояние губ, глотающих вино из кратера весны,
и майская баллада расходящейся травы, словно горящая волна
на мраморе руки,
и заплетенный змеем в волосах закатный ветер к тебе приветлив
нежностью костра,
и розы тают близ тебя, как сердце Афродиты.

Прелюдия С

Пепелище оставленных строк
в простынях ледяной бессонницы.
Дождливое сердце ложится на музыку Баха.
Ряд переключек-метафор приводит в болото безмолвия.
Почки набухли дрожью влюбленных губ.
Атмосферу проспектов питают
силовые линии
поцелуев.
Антитезы весенней рапсодии.
Улыбка усталости плещется радугой
в перламутре луж.
Бодрое небо взбивает сливки простуженных крыш.
Время летит стрелой Амура, лодкой Харона
плывет через солнце и тень, через ватную
плоть движений. Ночи набухли
сажей глазниц, блеском нагой пустоты.
Сладкая, сладкая неизвестность,
беспричинность – мои подружки,
мои истории.
А ядрышко мира,
все также колышется ультрамариновой бабочкой
в илстой мгле вселенского вздоха...

Прелюдия D

Крылатые капилляры лунной волны,
остывающие на лимонном песке,
заговорили со мной пламенем августа.
Покажи мне дорогу к звезде многоцветного одиночества,
тень старого кедра;

расскажи мне о вечном скитании счастья
по берегам ненасытного
вожделения
человека;
напророчь мне
вотчину вечного сна
в садах из бирюзы и золота;
ответь мне
молчанием дна
бездонного океана сердца.

Ракурс 03052011. Прелюдия Е

Сквозь дождевые облака клюет слюной мертвецки пьяной в брюхо мокрого асфальта
желтушно-висельное солнце.
Затяжка из ментоловой травы под флейту рос, размешанных серебряным песком и грязью
ливня ночи.
Надежное пристанище для сумрачного духа подземелий. И, все-таки – весна; и, все-таки –
коррозия
метелицы железной налицо. Сдувая пыль с узоров выцветших чернил дороги,
услышишь родниковый колокольчик –

там демон твой, любимая, желанная гуляющая трава; там ангел твой – проказник
с розовым рожком и луком золотым...
Пейзажные круги на стеклах пыльных заплывают сальным багрецом рассвета, протри
глаза и ты увидишь воздуха фигуры,
туманность крабовидную поэзии рожденья. На заусенцах почек болотно-пряный ветер-
мот скрутил гнездо, где птичий дым
клубится звонким смехом, и памяти ледник степенно оживает, ожидая новой полноты,
и пуля-дура

скачет мотыльком по лужам, желая крови нежно сорванных цветов. Любовники застряли
в точке не возврата,
им так уютней и теплей, забыв про мир и все наследство мира, писать псалмы друг другу
в красках поцелуев,
им так привычней, ничего не видя, приобретать весь мир в румянце глаз. Так капает в
сердца лазурно-слезная микстуры майского парада,
так тянет лиственным здоровьем леса шерсть. Я, Ваша честь, всецело "за" – зацвел, запел,
заплакал, глянец засвистел – тут не опротестуешь.

Предания диких орлов

Моя пирога плывет
по быстрой воде.
Духи реки шепчутся брызгами,
влажными бусами
светятся окрест бортов
моей пироги, моих сетей,
словно зимы ожерелье
льдом серебристым струится.
Я жертвенной песней склоняюсь
к подножию
изумрудно-свинцовой волны –
река, принеси мне священным
течением рыбу-вещунью,
река, дай рукам моим ловкости,
силы и веры
удержать чешую из алмазов

рыбы богов.
Я оберну ее в листья ночные,
и, жадно глотая воздух, она
напоет мне
выкупа песнь –
да не прольется кровь
в твоей земле,
да принесет тебе сына жена –
ветер апрельский –
да родит тебе дочь –
розу июля,
да заиграет пламя
гостеприимных костров
в твоей деревне.
Моя пирога плывет сквозь
снежно-землистую мышцу нагорий,
духи реки
рисовым облаком неба рисуют
шаманские пляски,
предания диких орлов.
Да поможет мне
хищного солнца огонь
в глазах венценосца
тверди небесной.
Этим закончится песнь,
этим да свяжется новый улов
чистого сердца.

Сталактит

Вечер.
Слизывай
брызги
малиновые
на соснах
острых,
налитых
липкими
бликами
солнца
позднего.
Млечных
полей
елей
вдыхай
стихами,
руками
теплыми
трогай
дороги
гриву
львиную,
в окнах,
небес
разлейся
сиреневой
ленью,
струись
соком

высокой
травы,
бериллом
холодным.
Сойдись
с вечерним
течением
рябью
рябиновой
хляби
захода.
Вечер
плодом
созревшим
вешает
винный
рубин
в изголовье.

Гирлянда

Словно аист, взмахнувший крылом,
обдала изумрудной легкостью веер ресниц
дева пречистая,
летняя,
ветрами
теплыми
ломанная,
ведрами
меда
лучистого
выплеснутая
на листья,
на ягоды
глаз бирюзовых,
на лиру
олив
и кипарисов.
Словно буйвол, взметнувший пыль,
разбросали цветы
румяны
васильковой
приправой,
маковой кровью.
Раной кристальной
бьют родники
реки,
следы
небесной руды
в голубых огнях.
На руках
качается аист,
принесший
солнца дорожку,
ложку
медвяного масла
и свечку
млечной
звезды.

Синяя метель и слезы лаванды

Смотри, это месяц стучится медным копытцем в стекла спальни, окрашенной синей метелью. Что же ты плачешь и плачешь? Уйми прохладу опущенных глаз. Смотри, это лучик звездной травы, сорванный и принесенный тебе на ладонь фиолетовым ветром. Что же ты ищешь и ищешь печали? Веер теней древесных не испугает твоей улыбки, ведь, правда? Смотри, эта роза, что на столе – это созвучье твоих глаз, это тепло корзины с июльских лужаек, это песня, не холод, не стон. Ведь, так? Подними же глаза на нежный восток. Смотри, это месяц стучит каблучком свинцовым в рану груди, залитую синей метелью. Что же ты ищешь и ищешь слез? Оставь сердца скорбящий цветок. Отпусти этот холод, а я приду, и найду тебя обновленной, как жемчуг весенней сакуры, той, которой дарил каждое слово ночи, каждую каплю росы с волос перламутровой дымки зари. Смотри, это звездочка падает в руки, пусть мы и знаем, что там – лишь бродячий обломок камня, метеоритный оскал, но он, так хорош пополам с вином на губах и теплой ладонью рядом. Поэтому, будь слезами, слезами радости, поэтому, будь прохладой, прохладой свежей лаванды в сладости первого поцелуя. Письма, как листья летят в золотое пламя рассвета. Что же ты, не прочтешь молитву любви в новорожденный восток?

Мотылек

Мотылек свечи фонарной
Взгляд бескровный бросил в ноги.
Ночь течет, лаская лужи,
Грязью комкая сады
Из вишневых бриллиантов,
Из камней жемчужно-лунных.
Я бегу по краю ветра,
По воздушному потоку
Майских лепестков, в убогой
Подворотне, как в уборной,
Крашу губы в звездный уголь
И читаю вслух псалмы..

Меланхолиум

Я пью и не чувствую теплого яда хмеля под языком, в листопаде нервных волокон, в блеске глаз, на влажном окрике губ, лишь вчерашняя горечь, лишь фигура умолчания. А на карих ветвях распускается май, а под ногами вьется дорога из яшмы, а под рукой, случайная встреча старых знакомых, новые улья слов, медоносно пачкающих вакуум мозга, воспитывающих терпение и усердную хлябь самоанализа. Вот ласточка бросила перышком – приветствую; в лязг проводов осела голубка; вот меня подхватило встречным течением южной сырости и отнесло на солнечный берег; вот вступает оркестр телодвижений в объятьях зари; а вот, и моя печаль – больная старуха

на костылях души, беззубый плач бродячей звезды – она тоже прекрасна, словно розы, падающие на грудь любимой, когда любимая засыпает, без звука, без пульса, без преломления жизни в рубиновом сердце, и распластанная свободой песня моря укрывает ее от чужих навязчивых взглядов. О, время, ты даешь мне напиться чистого воздуха в парадном платье нежного, свежего лоска майских озер, чтобы с большей дерзостью впитаться в мой слух криком стервятника.

Цянь. Прожигатель слов -2

Цянь – так я вижу прожилки огня в осенней листве, в плеске цикады, в локоне спящей весталки.
Цянь – так поют водостоки весной, так скрипичный концерт ледяных родников низводит усталость.
Цянь – одинокая стража любовника нежной зари, распахнутых крыльев моря, радость младенца, сосущего молоко небесной музыки облаков, сладкие шрамы и бархат бронзовых стрел ночной охоты.
Цянь – иероглиф творчества – стихия свободоречивой страсти в садах любви и ненависти.
Там, где рождается Цянь, не может быть смерти, не может быть веры в предел дыхания розы..

Зола постели, ночь срывает шаль.
Там наслажденья колос золотой струится в горном воздухе.
О, наслажденье – умирающий цветок.
Не плачь, не одевай глаза в соленый хрусталь.
Холодный поцелуй, что завещал январь, преобразится вдохновеньем плоти строк...

Пей, мальчик, пей
горькую микстуру ржавой капли,
вязкий кисель фонарных узоров,
лунную мертвую мякоть.
Пой, мальчик, пой,
жуй иней губ, судорожным колесом
катись в овражную сырость пустых остановок,
в мутные стекла сторонних окон,
в ласку северных звезд,
и помни
распутья и сновиденья одной души,
размазанной по страницам неизреченной книги..

Цвети, как раньше, ливнем лепестков кристальной вьюги.
Труби союз огня и океана.
Душа шампанским пламенным выходит на прогулку
с цыганским небом и лучистым лугом,
травой сахарной гортань полощет и песни льет под ноги.
Твори и будь творим, слова бинтуют раны,
и даже слов не надо, чтобы знать о том,

о чем молчат на дне жемчужные созвездья.

Тишина разносит сети.
Мрамор снов умыт закатом.
След звезды скребет по окнам.
В колыбель ложится ветер.
Колыбель взрывает сердце
медным кубком, новой песней.
В колыбель ложится слово,
чтобы выносить рассвет.

Зелеными ручьями в голове
колдует амазонский лес.
Весна пришла, весной запеклись
кровоподтеки уличного шлага.
Кору согрела мята солнца,
кубовый колокол потряс витрину неба,
и, что еще писать, просить, вязать на строфы,
когда поля стекают воском
сладким, и шепчутся цветы
прозрачных платьев
о наготе.
Щекотно и свежо.
Зерно природы перемолото, размято
в муку любви.
Вина не нужно. День багрян душою.

Что ты, поэзия?
Пробужденная магия.
Что ты, музыка?
Слово природы.
Мир в руках женщины –
магия музыки,
пробужденье природы..

Наедине с дождем, наедине с преданием воды,
наедине с любовью и печалью.
Мои слова по-прежнему пусты
в сравнении дождем, в сравнении с кристаллом,
пронзившим глянец воздух,
мои слова по-прежнему берут
свое начало в паутине вод, где каждый отблеск
связан с монолитом
стены серебряной.
Мои слова по-прежнему все врут,
пока заклеены в бумажную кольчугу,
пока не разлетаются дождем,
пыльцой звенящей на салют мистерий
и танцев жизни действенной, жемчужно-
бирюзовой, крылатой, как дороги склон,
распахнутой, как веер..

радуга сходит царицей цветов луговых.
влажные ветры шуршат ветвистыми складками
рыбы поют чешуйчатым всплеском сапфиров

Сны, что вы без трактовки?
Цветной газон.
Я сам себе, без объяснения, без метафоры –
ничтожное дыханье вод без русла.
И, что я знал, когда б не слов венки,
одевшие весною горечь плоти
и горы наслаждений, чувственную
кровь слепой реки –
но я бы знал,
я смерти знал бы имя,
неназванное имя ветра
северного неба,
как есть, без нот сомненья
и слез трусливых.
Необъяснимый сон прекрасных лилий и
колких роз в садах из льда
нося в зрачках-карманах
веры,
я буквы бы создал
из подземелий ночи и ладана
озер туманных,
из камышовых факелов и дна
колодезной еловой тени.